

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ АРХИЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛЬСКОЙ ПЕЧАТНИЦѢ.

Адресъ Редакціи: Долгая улица, домъ № 13, кв. 11.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ
ПО
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ

Годовая цѣна—5 руб.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются бесплатными. Непринятые для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, неустраиваемыя въ теченіе года, уничтожаются.

ОТДѢЛЪ I.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Назначены: на вакансію настоятеля церкви села Лейно Влодавскаго у. Сѣдлецкой губ. надзиратель Варшавскаго духовнаго училища *Тома Сломинскій*; на вакансію настоятеля церкви села Пашенки Сѣдлецкой губ. назначенъ псаломщикъ церкви села Пріорска Люблинской губ. *Иванъ Будзинскій*.

Награжденъ набадренникомъ священникъ церкви 111 пѣхотнаго Донскаго полка *Петръ Вишняковъ*.

Утверждены Его Высокопреосвященствомъ: помощникъ настоятеля Сѣдлецкаго собора священникъ *Теодосій Левинскій*, въ должности духовника Сѣдлецкаго благочинническаго округа и настоятель церкви г. Соколова, священникъ *Константинъ Шабарчинъ* въ должности члена благочинническаго Совѣта сего же округа.

Перемѣщены съ 1 сентября псаломщики церквей: г. Прасныша *Константинъ Яниковскій* и пос. Савина Люблинской губ. *Андрей Карповичъ* одинъ на мѣсто другого.

Уволенъ отъ должности съ 1 сентября псаломщикъ пос. Липска, Сувалкской губ., *Владиміръ Варминскій*.

Распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ по почтовой части.

26-го іюля 1901 года.

Въ разъясненіе дѣйствующихъ законоположеній по бесплатной пересылкѣ корреспонденціи, симъ постановляется:

1) Предоставленное, на основаніи ст. 370 уст. почт. (Св. Зак., томъ XII, изд. 1857 г.) и ст. 70 временныхъ постановленій по почтовой части, правительственнымъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ право пересылки денежныхъ и закрытыхъ цѣнныхъ пакетовъ и узловъ—безъ платежа одного вѣсоваго или всѣхъ почтовыхъ сборовъ, распространяется лишь на пакеты и узлы со вложеніемъ суммъ, составляющихъ собственность Государственнаго Казначейства или отдѣльныхъ правительственныхъ учреждений.

Примѣчаніе. Государственныя сберегательныя кассы сохраняютъ предоставленное имъ Высочайше утвержденнымъ, 1-го іюня 1895 года, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта право бесплатной пересылки всѣхъ безъ различія суммъ и цѣнностей.

2) Общественныя, а равно и частныя учрежденія, коимъ по закону, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ или постановленіямъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, или же на основаніи ихъ уставовъ разрѣшена пересылка денежныхъ пакетовъ и узловъ безъ оплаты вѣсовымъ сборомъ, пользуются означеннымъ правомъ лишь въ отношеніи суммъ, составляющихъ собственность сихъ учреждений или принадлежащихъ Государственному Казначейству.

3) Денежные и закрытые цѣнные пакеты и узлы со вложеніемъ частныхъ суммъ подлежатъ оплатѣ всѣми почтовыми сборами, хотя бы и подавались отъ учрежденія или лица, пользующагося правомъ безплатной пересылки денежныхъ суммъ.

4) На подаваемыхъ на почту денежныхъ и закрытыхъ цѣнныхъ пакетахъ, подлежащихъ, на основаніи пп. 1 и 2, освобожденію отъ платежа вѣсового или всѣхъ почтовыхъ сборовъ (за исключеніемъ пакетовъ и узловъ, отправляемыхъ государственными сберегательными кассами — учрежденія, ихъ подающія, должны надписывать „со вложеніемъ казенной суммы” или „со вложеніемъ суммы (такого-то) учрежденія” или „со вложеніемъ городской (земской) суммы” и т. д.

5) На основаніи ст. 396 устава почтового, отвѣтственность за правильность надписей, упомянутыхъ въ предыдущемъ пунктѣ, возлагается на начальство учрежденія, отправляющаго деньги.

Вѣдомость о движеніи денежныхъ суммъ Ломазскаго Петро - Павловскаго братства за время съ 1-го января 1898 года по 1-е января 1901 года.

П Р И Х О Д Ъ:

1) Поступило: Членскихъ взносов 33 р. 10 коп., 2) Пожертвованій: а) деньгами на нужды Братства 189 р., б) вещами: церковныхъ принадлежностей, брошюръ, иконъ и проч. 164 р. 50 к., в) деньгами въ неприкосновен. капиталъ 5 р., 3) На содержаніе ночныхъ сторожей при церкви и на уплату страховой преміи за церковно - приходскія строенія 367 р., 4) Арендной платы за Братскіе лугъ и огородъ 207 руб. 82 к., 5) Процентовъ отъ капитала, хранящагося въ ссудо-сберегательной касѣ 116 р. 70 к., 6) Въ возвратъ безпроцентныхъ ссудъ 231 р., 7) Вынуто изъ ссудо-сберегательной кассы 250 р., 8) За зданіе закрытой церкви, отданной съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства на домъ для церковной школы въ дер. Колодѣ 125 р., 9) Отъ продажи календарей 12 руб. 80 к. Въ приходѣ 1701 р. 92 к., 10) Къ 1-му января 1898 года въ остаткѣ: наличными 14 р. 46 к., 11) въ неприкосновенномъ капиталѣ 225 р. Всего 1941 руб. 38 коп.

Р А С Х О Д Ъ:

1) На освѣщеніе церкви 30 р., 2) На приспособленіе новокуп. дома въ дер. Студянкѣ подъ церков.-приход. школу 162 р. 50 к., 3) На сооруженіе памятника на мѣстѣ св. престола старой церкви, отданной на школьный домъ въ дер. Колоду 50 р. 42 к., 4) На насажденіе втор. ряда живой изгор. изъ боярыш. на погостѣ прих. церк. 16 р. 70 к., 5) На ремонтъ церкви и часовни 215 р., 6) На содержаніе хора пѣвчихъ 176 р. 50 к., 7) На пособіе бѣднымъ 35 р. 70 к., 8) Роздано

брошюръ, книгъ и иконъ 10 р., 9) На уплату страховой преміи за церковно-приходскія строенія 74 р. 59 к., 10) На уплату страховой преміи и за составленіе страховыхъ документовъ для Студянской церковно - приходской школы 21 р. 14 к., 11) Передано въ церковь вещами на 154 р. 50 к., 12) Выдано безпроцентныхъ ссудъ 230 р., 13) На наемъ ночныхъ сторожей при Ломазскихъ церквахъ 275 р., 14) Внесено въ кассу для приращенія процентами 180 р., 15) На покупку Холмскихъ народныхъ календарей 12 р. 80 к., 16) На случайные и канцелярскіе расходы 13 р. 35 к. Въ расходѣ 1658 р. 20 к. 17) Къ 1-му января 1901 года въ остаткѣ: наличными 53 р. 18 к. Въ неприкосновенномъ капиталѣ: 230 р. Всего 1941 р. 38 к.

Казначей Братства Антонъ Русецкій.

Отъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Съ 17-го сентября по 6-е октября включительно Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ устроаются краткосрочные педагогическіе курсы для учителей церковныхъ школъ въ слѣдующихъ пунктахъ: въ Холмѣ и Радечницѣ Люблинской губерніи, Яблочнѣ и Старомъ Павловѣ Сѣдлецкой и Теолинѣ Сувалкской губерніи. Кромѣ вызванныхъ Совѣтомъ учителей, слушателями курсовъ, допускаются учителя и не вызванные, но на собственные средства и съ обязательствомъ присутствовать на курсахъ отъ начала ихъ до конца.

На курсы допускаются вольнослушателями кандидаты въ учителя церковныхъ школъ, которые, въ случаѣ выбытія кого либо изъ учителей - курсистовъ, могутъ быть зачислены въ число слушателей на казенное содержаніе и получить назначеніе на должность учителя, если кто либо изъ вызванныхъ на курсы слушателей не прибудетъ или окажется не способнымъ къ учительскимъ занятіямъ.

* * *

По постановленію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта отъ 21 іюля с. г. предсѣдатель Томашовскаго уѣзднаго отдѣленія священникъ Антоній Кудржинскій, согласно прошенію, освобожденъ отъ обязанностей предсѣдателя отдѣленія, каковая обязанность возложена на благочиннаго I Томашовскаго округа священника Антонія Драчинскаго (почт. ст. Тышовцы).

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Иисусъ Христосъ — Богъ.

(Окончаніе) *).

XVI.

Въ виду исполнившихся ясныхъ предсказаній І. Христа и въ виду Его ученія объ единеніи Его съ Богомъ Отцемъ, а также въ виду вытекающей отсюда обязанности воздавать Христу поклоненіе, какъ Богу, что оставалось дѣлать отрицающимъ божество І. Христа? Они могли ухватиться за одно изъ двухъ возраженій, именно: или отвергнуть подлинность повѣствованій Евангелистовъ, или отвергнуть истинность словъ І. Христа. Дабы убѣдить въ послѣднемъ, нужно было доказать, что Иисусъ, не обладая достаточнымъ образованіемъ, Самъ ошибался и увѣровалъ въ Свое божество, или же, зная, что Онъ не Богъ, пожелалъ ввести міръ въ заблужденіе. Оба эти предположенія унижаютъ характеръ Спасителя до самой низкой степени. Оба они одинаково стремятся доказать, что во Христѣ не было ни особаго ума, ни особой святости. Подъ тяжестью такого кощунства падаетъ все. Устрашенный человѣческій разумъ поражается, созерцая противорѣчія и неправдоподобія, громоздяціяся одни на другія. *Кое общеніе свѣта съ тьмою?*—сказалъ пророкъ. Конечно, никакого. Развѣ день и ночь могутъ господствовать въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одной и той же душѣ? Но правда исключаетъ ложь, святость—обманъ, такъ же, какъ ясность истины исключаетъ какую бы ни было софистическую ложь. Если жизнь І. Христа была на самомъ дѣлѣ такою, какою ее изображаютъ четыре Евангелиста, если Онъ былъ существомъ чистымъ и святымъ, исполненнымъ смиренія, носящимъ въ чистомъ сердцѣ невозмутимый міръ, а въ умѣ ясность безъ экзальтаціи и мечтаній, то какимъ образомъ можно допустить, чтобы Онъ ошибался относительно Своей собственной природы, называя Себя Богомъ, тогда какъ Онъ родился и жилъ, какъ человѣкъ? Какъ опять допустить, чтобы Онъ, не признавая Себя Богомъ, пожелалъ обмануть людей и ввести ихъ въ заблужденіе? Но, нѣтъ! Характеръ І. Христа представляетъ собою ясную сторону, которая, понятно, исключаетъ собою сторону темную, какъ солнце уничтожаетъ ночныя тѣни, какъ правда уничтожаетъ ложь. Легко уразумѣть, что этотъ исполнскій умъ,—все вокругъ себя ясно проникающій, это сердце любвеобильное и полное великодушія, эта воля твердая и всеблагая не

имѣютъ ничего общаго съ горячею мечтательностью природы экзальтированной, и — о чемъ не можетъ быть и рѣчи — съ мелочными дѣйствіями фокусниковъ. Мыслить подобнымъ недостойнымъ образомъ объ І. Христѣ, мыслить, что Онъ самъ заблуждался, или находился подъ вліяніемъ обмана другихъ, значить подвергнуть себя крайней нелогичности, отъ которой отступитъ самая злая ненависть. Повторимъ здѣсь слова Паскаля: „Иисусъ былъ смиренный, терпѣливый, тихій, святой, святой, святой, весь въ Богъ, страшень діаволамъ, не имѣвшій ни малѣйшаго грѣха.“ Такова согласная съ истиною и дѣйствительностію характеристика І. Христа, начертанная на страницахъ Евангелія. Этой характеристикѣ не могутъ опровергнуть самые злые враги Спасителя. Каково въ самомъ дѣлѣ было бы Его смиреніе, если бы Онъ провозглашалъ Себя Богомъ, зная, что Онъ — не Богъ? Можно ли было бы называть Его тогда святымъ? Можно ли было бы называть Его великимъ, если бы Онъ употреблялъ нечестныя средства для распространенія между людьми ученія о Своемъ божествѣ? Съ другой стороны, не признавать, что І. Христосъ былъ тихимъ, терпѣливымъ, смиреннымъ, безиримѣрно добрымъ въ жизни и въ часъ смерти, — идеально чистымъ въ каждомъ дыханіи груди и въ каждомъ движеніи Своего сердца — значить опровергать очевидность, развѣ для того только, чтобы смѣшать все обычные понятія человѣка о добродѣтели, правдѣ и красотѣ души. Если бы І. Христосъ представлялъ Собой олицетворенную ложь, обманъ и вообще нравственное безобразіе, соединенное таинственнымъ образомъ съ истиннымъ Божіимъ всемогуществомъ, проявляющимся внѣшнюю, созерцаемую тѣлесными очами, силою, то міръ потерялъ бы основу для своего разумнія, въ чемъ именно состоитъ добро; тогда исчезло бы понятіе о добрѣ. Въ сужденіи объ І. Христѣ надо выбрать одно изъ двухъ: І. Христосъ въ такомъ видѣ, какъ явился Онъ міру—или долженъ пасть въ прахъ, какъ покрытый нашимъ презрѣніемъ къ Нему, или, наоборотъ, люди должны пасть къ Его ногамъ и прославлять въ Немъ совершеннѣйшее Существо. Еслибы кто пожелалъ избѣжать трудностей устраненіемъ возраженій, направленныхъ непосредственно къ лицу І. Христа, дабы свалить всю ихъ тяжесть на Евангелистовъ и Апостоловъ, если бы кто пожелалъ укорить ихъ въ томъ, что они измыслили басни о лицѣ и чудесахъ І. Христа, тотъ встрѣтился бы съ трудностями иного рода, также непобѣдимыми. „Нужно, говорить Боссюэтъ, чтобы величайшая мистификація и величайшій обманъ, какіе только міръ когда либо могъ видѣть, нужно, говорить онъ, что бы эта мистификація и этотъ обманъ, въ сущности неправдоподобные и распространенные при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ посредствомъ людей боязливыхъ, беззащитныхъ, имѣли по крайней мѣрѣ какойнибудь кажущійся поводъ дѣйствительнаго существованія. Лицемѣріе такъ далеко не шагаетъ,

*) См. № 29, 30, 31, 32, 33, 34 и 35.

фантазмагорія такъ долго продолжаться не можетъ, а глушость не можетъ быть столь логичной”.

Впрочемъ, заставимъ нашихъ вольнодумцевъ сказать, что они думаютъ о нашихъ св. Евангелистахъ и Апостолахъ. Недумаютъ ли они, что Евангелисты избрѣли какія то басни и распростираютъ ихъ?

Но надо обратить вниманіе на то, что, еслибы Евангелисты избрѣли какую нибудь басню, то они позаботились бы о томъ, чтобы она была доступна обыкновенному пониманію людей ихъ времени. Можно ли подумать, что Апостолы были люди, необладающіе полнымъ умомъ, люди, не понимающіе самихъ себя? Но ихъ жизнь, литература, оставшаяся послѣ нихъ, изданныя ими установленія, которыми руководилось первоначальное христіанское общество и плоды ихъ апостольскихъ трудовъ—доказываютъ совершенно противоположное. И въ самомъ дѣлѣ, это была бы глупость, въ полномъ смыслѣ чудесная, если бы она все это великое дѣло устроила такъ удачно! Между тѣмъ, намѣренія и цѣли Апостоловъ не обнаруживаютъ въ нихъ людей хитрыхъ и ихъ поступки не показываютъ, чтобы они были люди неразумные. Они намъ говорятъ: „Мы видѣли все, о чемъ свидѣтельствуемъ, своими очами; мы видѣли І. Христа, воскресшаго изъ гроба, прикасались къ Его живой личности собственными руками, слушали мы собственными ушами хорошо намъ знакомый Его голосъ и притомъ не разъ, въ теченіе короткаго времени, а часто и долго, не только каждый изъ насъ въ отдѣльности, но и въ собраніи нѣсколькихъ лицъ.“ Если они говорятъ правду, то что мы имъ можемъ на это сказать? Если они выдумываютъ, то какая цѣль ихъ лжи? Какую корысть, какую награду надѣются они получить за свои труды? Если надѣются награды, то или въ этой жизни или въ будущей. Но могли ли они въ этой жизни надѣяться на блага земныя? Могли ли они объ этомъ думать, имѣя въ виду ненависть, насилие, которыми ихъ вездѣ окружаетъ языческій міръ, имѣя противъ себя,—существовъ слабосильныхъ: громадное количество могущественныхъ враговъ — государственныхъ правителей, въ лицѣ разныхъ философовъ и представителей разныхъ религіозныхъ сектъ? Какой былъ бы со стороны Апостоловъ расчетъ въ обманѣ? На что они могли надѣяться въ будущемъ? Въ будущемъ они могли ожидать себѣ или награды на небѣ, или безсмертной славы своего имени здѣсь, на землѣ. Если они ожидали себѣ награды на небѣ, то, очевидное дѣло, они не могли обманывать людей и проповѣдывать богохульную ложь противъ истиннаго Бога. Если же кто думаетъ, что будущая историческая слава могла имѣть какую нибудь прелесть для этихъ простыхъ людей—неученыхъ рыбаковъ, то на это надо сказать, что еслибы такіе люди, какъ Апостолъ Петръ, Апостолъ Андрей или Иоаннъ, будучи вездѣ преслѣдуемыми, могли предвидѣть будущую славу христіанства и то

почитаніе, которое мы имъ теперь воздаемъ, то не надо другого доказательства для того, чтобы убѣдиться, что это были люди вдохновенные, которыхъ Самъ Богъ просвѣтилъ и которымъ указалъ пути будущаго¹⁾.

Вотъ затрудненіе, указанное Боссюэтомъ со свойственною ему силою логики и краснорѣчія. Но это затрудненіе не единственное. Есть еще болѣе, которое устранить еще болѣе невозможно. Это затрудненіе предвидѣлъ еще Руссо, но новѣйшая критика освѣтила его совершенно. Противники божества І. Христа говорятъ, что Апостолы сами избрѣли это божество, сами сочинили исторію жизни І. Христа и Его смерти, что они одраматизировали Его личность и устроили спеничность, отвѣчающую его личности. На это уже отвѣтилъ Руссо: „изобрѣтатель былъ бы въ такомъ случаѣ болѣею знаменитостію, и болѣе достоинъ, чѣмъ самъ герой драмы.“ Новѣйшая же критика ясно доказываетъ, что такой изобрѣтатель былъ бы совершенно невозможенъ. Создать такой характеръ, какъ характеръ І. Христа, нужно непременно быть Христомъ. Говоря объ Евангелистахъ, мы уже привели разсужденія Ханнинга, также Гете и безыменнаго автора сочиненія „Ессе homo“, показывающія совершенную невозможность, чтобы Апостолы могли выдумать такой характеръ, который ихъ превосходитъ безмѣрно, такъ какъ здѣсь дѣло не о выдумкѣ одного какого нибудь событія, — событія, на примѣръ, воскресенія изъ мертвыхъ, или о выдумкѣ и одраматизированіи нѣсколькихъ другихъ фактовъ, но о созданіи цѣлостной величественной личности. Еслибы Апостолы пожелали задаться такой пробой, то они очевидно создали бы личность болѣе совершенную, чѣмъ Гиллель или Гамалиилъ, какого нибудь пророка, подобнаго Илиі или Іоанну Крестителю. Создать же характеръ такой, какъ характеръ І. Христа, создать характеръ сверхъестественный, исполнѣ новый, до того времени никому неизвѣстный, существующій совершенно внѣ сферы современныхъ понятій, наиболѣе противный всѣмъ инстинктамъ евреевъ и наименѣе человѣческій, лучше выражаясь, сверхчеловѣческій—божескій и человѣческій вмѣстѣ,—этого, однако, не только Апостолы, но и никто изъ людей, жившихъ, до Рождества Христова, не могъ, создать. Говорятъ, что Онъ былъ человѣкъ, но откуда же Апостолы взяли понятіе объ этой совершенной святости, объ этой не запятанной жизни, объ этой идеальной чистотѣ? Все это качества нечеловѣческой природы. Они называютъ Его Богомъ, но, однако, не жалѣютъ красокъ для изображенія Его людскихъ слабостей, кроваваго пота въ Геосиманскомъ саду, многихъ слезъ и движеній чисто человѣческихъ. Они выразили слабость даже въ описаніи послѣднихъ трагическихъ минутъ Его жизни, Паскаль говоритъ, что

1) Боссюэтъ.—Panegyrique de Saint André.

Св. Лука живѣе изобразилъ мученичество Св. Стефана—архидіакона, чѣмъ смерть І. Христа. А слова непостижимаго величія, слова, раздавшіяся изъ устъ Христа на горѣ Голгоѣ и другія на Тайной Вечери, пророческія Его слова о разрушеніи Іерусалима и кончинѣ міра — кто могъ бы выдумать, кто могъ произнести, кромѣ І. Христа?

„Допустимъ на время, говоритъ Паркеръ, что Платонъ или Ньютонъ никогда не существовали. Кто бы тогда могъ мыслить ихъ умомъ? Кто могъ бы жить нравственно душой Платона или Ньютона? Равнымъ образомъ, кто могъ бы усвоить себѣ духъ Христовъ, когда таковой вовсе не существовалъ въ человѣческомъ тѣлѣ І. Христа? Совершенно невозможное дѣло, чтобы кто нибудь, хотя бы онъ былъ и самый гениальный человѣкъ, понялъ, изобрѣлъ и ввелъ въ жизнь такую личность и такой характеръ, какъ личность и характеръ І. Христа,—Существа невиданнаго до того времени, которое Своимъ оригинальнымъ величіемъ превышаетъ человѣческое пониманіе“¹⁾.

Надо замѣтить, что этотъ трудъ совершили одновременно нѣсколько человѣкъ, но при этомъ нельзя сказать, чтобы каждый изъ Евангелистовъ представилъ намъ особаго Христа, изображеніе котораго противорѣчило бы повѣствованію другихъ Евангелистовъ. Это теперь доказано строгими новѣйшими критическими изслѣдованіями²⁾. Возраженія противъ истинности евангельскихъ повѣствованій были настолько поверхностны и слабы, что только затрудняли самихъ противниковъ: вмѣсто одного чуда представляли имъ для удивленія четыре! І. Христа каждый изъ Евангелистовъ представилъ намъ Существомъ поражающимъ насъ удивленіе, неподражаемымъ, абсолютно превосходящимъ всякую возможность изобразить Его и жизнь Его достойнымъ образомъ. При этомъ каждый изъ Евангелистовъ представляетъ характеристику І. Христа совершенно цѣльной.

Возьмемъ на личность І. Христа по Евангелію, напр. Св. Матѳея. Еслибы мы утратили повѣствованіе остальныхъ трехъ Евангелистовъ, потеря, конечно, была бы громадная, но Іисусъ Христосъ, и по изображенію Евангелиста Матѳея, представляетъ намъ величину такихъ могущественныхъ размѣровъ, что вполне достаточно, чтобы весь міръ преклонилъ предъ Нимъ свои колѣна. Возьмемъ теперь труды вмѣстѣ всѣхъ четырехъ Евангелистовъ, столько разнящихся между собою въ отношеніи своего образованія, — все же въ каждомъ изъ ихъ евангелій мы узнаемъ ту же личность Христа вездѣ одинаково божественной красоты и столь высоко стоящую надъ сферою понятій

скромныхъ повѣствованій, что сразу ясно видно, что эти Евангелисты не только не могли въ своемъ воображеніи создать такой личности, но даже не въ состояніи были написать надлежащимъ образомъ копию ея. Въ этомъ сознается даже Ренанъ, когда пишетъ подъ впечатлѣніемъ правды, вліяющей неотразимо на человѣческій разумъ: „Личность І. Христа, говоритъ онъ, не только не могла быть выдуманною Апостолами, но, напротивъ, она во многомъ превосходитъ ихъ понятія. Апостолы, за исключеніемъ Св. Павла и Іоанна, были людьми очень посредственныхъ способностей. Вообще личность Іисуса Христа не вышла изъ подъ ихъ пера преувеличенною, переукрашеною; напротивъ, они въ своемъ описаніи умалили ее“.

Если послѣ этого Апостолы и ученики І. Христа, по Ренану, были неспособными преувеличить личность своего учителя; если эта личность, какъ говоритъ Паркеръ, много превосходитъ ихъ понятія; если, по замѣчанію Хонинга, она превосходитъ вообще всѣ человѣческія понятія, то, по необходимости, надо признать, что ни Апостолы, ни вообще ученики не выдумали личность І. Христа. Она стоитъ самостоятельно въ своемъ величіи; Она не постижима для человѣческаго ума; при этомъ эта личность во всей полнотѣ истинна и исторически подлинна въ отношеніи эпохи своего существованія на землѣ. Таково послѣднее слово современной намъ ученой критики объ этомъ предметѣ.

Но обратимся еще съ отвѣтомъ измыслителямъ темныхъ гипотезъ, имѣющихъ успѣхъ въ наше время преимущественно у вѣмцевъ. Говоримъ о мистической гипотезѣ нѣмецкаго философа Страуса. Въ послѣднее время его теорія пользовалась громкою славою. Этотъ нѣмецкій философъ утверждалъ, что личность І. Христа, которую, какъ мы уже видѣли, не могъ создать ни одинъ человѣческій умъ — ни единолично, ни коллективно, — что эта личность появилась въ умахъ людей безсознательно вслѣдствіе постепеннаго проникновенія понятій въ народное воображеніе. Другими словами: по мнѣнію этого философа наши евангелія — эта величественная, превосходная изъ всѣхъ книгъ, какія только являлись въ свѣтѣ — созданы народнымъ воображеніемъ. Авторомъ Евангелій были всѣ, но въ отдѣльности никто. Исполнская личность І. Христа, нравственной красоты которой ни одна въ мірѣ кисть не въ силахъ изобразить, хотя бы она принадлежала Рафаэлю, Микель — Анжело, Леонардо - де - Винчи, эта личность родилась, по мнѣнію Страуса, сама собой, выросла въ воображеніи первыхъ христіанскихъ обществъ, благодаря постепенному ея приукрашенію.

Достаточно здѣсь предложить измыслителю этой теоріи только одинъ вопросъ, именно: кто создалъ христіанскія общества, кто содѣлалъ ихъ христіанскими? Не Христосъ ли, прославленный первыми христіанами

¹⁾ Th. Parker. Discours sur les matiéres, relatives à la religion 1849.

²⁾ Guisot. — Essence de la religion p. 241.

Избавитель и Утѣшитель человѣчества—Богъ и человекъ? Если же Онъ и положилъ начало христіанскому міру и содѣлалъ народы христіанскими, то будетъ непоследовательностью утверждать, что идея о Немъ явилась только въ воображеніи этихъ народовъ. Если бы мы даже не признавали за доказанную истину, что первое Евангеліе явилось въ скоромъ времени послѣ Вознесенія Спасителя на небо, то нельзя не призвать существованія на первыхъ же порахъ христіанства посланій Апостола Павла. Эти документы ясно свидѣтельствуютъ, что единымъ основателемъ, единымъ узломъ первыхъ христіанскихъ обществъ былъ І. Христосъ. Какимъ же образомъ эти общества только тогда могли соткаться изъ своего собственного воображенія жизнь І. Христа? Вѣдь Онъ уже существовалъ раньше ихъ; Онъ создалъ ихъ! И въ самомъ дѣлѣ, если бы было возможно, чтобы народное воображеніе, пораженное какимъ нибудь явленіемъ, способно было создавать такія личности и облекать лицъ умершихъ въ легендарныя украшенія, то долженъ былъ бы существовать предметъ, который бы возбуждалъ эти впечатлѣнія, должна существовать величина, которая бы восхищала воображеніе. Но мы думаемъ, что нѣтъ нужды много толковать объ этой злозадуманной гипотезѣ: она уже пала и погребена. Пала эта гипотеза вѣмецкаго ученаго не только подъ тяжестью научной критики, но преимущественно благодаря двумъ новѣйшимъ открытіямъ, именно открытію ученымъ Куретонномъ Сирійскаго текста Евангелія, а потомъ открытію Синайскаго кодекса (codex sinaiticus) Тишендорфомъ. Оба эти документа опредѣляютъ научнымъ образомъ время появленія Евангелій въ мірѣ. Отсюда слѣдуетъ, что будетъ неправдоподобно доказывать возможность образованія идей объ І. Христѣ въ воображеніи народовъ посредствомъ постепеннаго всасыванія ими идеи объ І. Христѣ, такъ какъ для этого потребовалось бы много времени. А этого времени не было.

Такимъ способомъ гипотеза Страуса пошла на подобающее ей мѣсто туманныхъ теорій, и его книга очутилась между массою старыхъ ветшыхъ бумагъ.

XVII.

Выше мы говорили объ Евангеліяхъ. Въ этихъ книгахъ, малыхъ по объему, но полныхъ неизмѣримой мудрости, живетъ и будетъ жить во вѣки, въ духѣ и содержаніи, личность Сына Человѣческаго, изображенная спокойно, безъ всякихъ стилистическихъ прикрасъ, безъ вычурныхъ фразъ, поразительно просто. Красоты этой личности станутъ на вѣки, дабы развеивать всѣ сомнѣнія невѣрія, дабы привлечь къ Ней благородныя сердца и дабы наконецъ соединить всѣ народы союзомъ неразрывной любви. Но мы, люди живущіе въ XX столѣтіи, обладаемъ лучшимъ источникомъ познанія І. Христа, чѣмъ историческое свидѣтельство Евангелистовъ. Могли бы мы еще, какъ говорить

Паркеръ, измѣрить Его величіе по тѣни, а лучше по свѣту, какой Онъ бросилъ на всю землю. Главное, — мы можемъ еще оцѣнить Иисуса по безмѣрнымъ плодамъ Его дѣяній, Его жизни, Его смерти. Можемъ изслѣдовать, какимъ былъ міръ до явленія І. Христа и какимъ Онъ сталъ подъ вліяніемъ Его божественнаго ученія, какому измѣненію подверглось человѣческое общество въ воображеніи и чувствахъ, въ понятіяхъ религіозныхъ и въ развитіи своего духа. Это намъ откроетъ новую мѣру величія Спасителя.

Въ самомъ дѣлѣ, удивительно, но несомнѣнно, І. Христосъ преобразовалъ міръ по Своему подобію. Мы находимъ въ новомъ мірѣ отблески тѣхъ самыхъ качествъ, тойже высоты духа и чистоты чувствъ, какія мы вынуждены признать въ Евангельскомъ ученіи. Этими то качествами современный нашъ міръ отличается отъ міра древняго; теперешній міръ во многомъ превосходитъ древній. Міръ древній былъ погруженъ въ идолопоклонство и страшныя суевѣрія; — не зналъ Бога. Геніальный Платонъ, созывая себя бессильнымъ уничтожить эту современную ему слѣпоту, признавалъ, что перемѣна въ умахъ людей невозможна безъ божественнаго откровенія. Въ настоящее же время тотъ Богъ, котораго І. Христосъ называлъ Своимъ Отцемъ, есть также и нашъ Отецъ. Наша религія, будучи прославленіемъ Творца въ духѣ и истинѣ и основанная на простотѣ сердца, на любви въ семьѣ и обществѣ, на истинномъ братствѣ людей, доступна каждому человѣку, даже самому бѣдному. Чувствуемъ, что мы, по подобію Христа, сыны Божіи. Богъ не есть Существо, удаленное отъ насъ и чуждое намъ, но Существо, обитающее въ нашихъ сердцахъ, Существо, Которое Своимъ присутствіемъ облагораживаетъ и освящаетъ нашу жизнь. Нѣтъ теперь жизни столь бѣдной, чтобы ужъ невозможно было взирать на небо. Кто можетъ сосчитать или измѣрить, какой высоты достигла духовная жизнь въ нѣкоторыхъ людяхъ, живущихъ по подобію Христа, слѣдующихъ Его смиренію, Его послушанію, Его заботѣ о славѣ Божіей и милосердіи? Никто изъ нихъ, правда, не успѣлъ достигнуть до самаго высокаго пункта своего взора, но никто однако не пересталъ стремиться къ этой цѣли. Природа каждодневно заботится о томъ, чтобы въ сортахъ розы соединить разнообразіе ея цвѣтовъ съ ея растительной силой и вырабатывать такимъ образомъ новые роды того-же самаго сорта розы. Не тоже ли происходитъ и въ нравственномъ мірѣ? Каждая добродѣтель Христа породила тысячныя усилія въ людскихъ сердцахъ, чтобы приблизиться къ совершенству даннаго имъ примѣра. Свѣтъ благоухалъ благоволеніемъ отъ различныхъ добродѣтелей, разцвѣтшихъ на этой плодотворной нивѣ, и этотъ же міръ обязанъ Христу не только преусиженіемъ своей религіозной жизни, но и вообще богатствомъ сверхъестественныхъ даровъ, о какихъ древніе люди не имѣли даже понятія.

Не этимъ однако ограничивается отраженіе личности І. Христа въ христіанскомъ обществѣ. Иисусъ, Который въ небѣ видѣлъ предвѣчнаго Своего Отца, на землѣ этой имѣлъ въ виду человѣчскія души. По Его ученію всѣ онѣ достойны одинаковаго попеченія. Для Христа имѣютъ одинаковое значеніе великіе и малые, богатые и бѣдные, и, можно сказать съ Апостоломъ Павломъ, мужчины, женщины и дѣти. Черезъ покровъ людского тѣла, какъ бы черезъ вещь весьма прозрачную, сверхъестественный Его взоръ достигалъ только одного достойнаго въ человѣкѣ предмета — души человѣка. Этотъ характеръ высокаго одухотворенія составляетъ другое знамя христіанской цивилизаціи. Въ древнія времена цѣвилась только форма, матерія, въ человѣческомъ обществѣ только богатые и сильныя имѣли значеніе. Древніе тѣснили слабыхъ, топтали презрѣніемъ бѣдныхъ, обижали женщинъ и дѣтей! Но вотъ, съ явленіемъ въ міръ Христа сразу наступаетъ перемѣна. Человѣческая душа отыскала во Христѣ свои права и поставлена, такъ сказать, *на стѣнницу*. Благодаря этому, женщина, хотя и бессильное существо, пользуется почтительностью; хилое дитя, которое было бы въ древнее время непременно убито вълѣдствіе своей слабости, теперь пользуется покровительствомъ; рабъ поднимаетъ повикшую свою голову, ожидая свободы; убогій сознаетъ свое достоинство, когда видитъ, что богачъ прикасается къ его рубищу съ почтительностью. Это, можно сказать, революція новая, общественная, неожиданная, непонятная! Въ ней великіе и сильныя этого міра добровольно уступаютъ мѣсто слабымъ. Малые люди этого міра становятся въ новомъ христіанскомъ обществѣ предметомъ особой заботливости, и это общество считаетъ своею обязанностью относиться съ почтительностью къ женщинѣ, приходитъ на помощь въ слабости дитяти, въ нищетѣ убогаго, и питать ко всѣмъ людямъ братскую любовь.

Прекрасною чертою личности Сына Человѣческаго была Его любовь, не знающая никакихъ границъ, такъ что трудно вообразить себѣ Спасителя иначе, какъ простирающаго на крестѣ руки для того, чтобы обнять Своею любовію всѣ народы. Въ новомъ христіанскомъ обществѣ даже пограничные столбы, отдѣлявшіе древніе язычскіе народы одинъ отъ другого, теперь, можно сказать, уничтожаются. Въ настоящее время зажигаютъ моряки фонари на тѣхъ морскихъ берегахъ, на которыхъ въ древности разбойники грабили несчастныхъ чужеземныхъ пловцовъ. Да же слово *hostis* теперь уже не заключаетъ въ себѣ столь страшнаго значенія, какое оно имѣло въ древности. Правда и современные намъ христіанскіе народы во многомъ разнятся между собою, но, раздѣляемые высокими горами, обширными морскими пространствами, они соединяются между собою единствомъ происхожденія, единствомъ вѣры и любви. Но это еще не все: намъ нуж-

но указать еще на одно самое прекрасное отраженіе блеска І. Христа на христіанскомъ обществѣ, именно: оно владѣетъ чѣмъ-то безграничнымъ, чѣмъ-то безконечно великимъ, подобно Христу, такъ какъ никогда неудовлетворяющееся настоящимъ, оно постоянно стремится къ новому — лучшему.

Возьмемъ на древній міръ, и мы увидимъ, что тамъ люди все, существующее у нихъ, считаютъ совершенствомъ въ своемъ родѣ. Каждый человѣкъ древняго міра выполняетъ идеаль всякаго добра и красоты, какой онъ носитъ въ своей душѣ. Въ христіанскомъ же обществѣ, наоборотъ, нѣтъ границы красоты, и никто не достигаетъ идеала, такъ какъ каждый стремится къ чему то безконечному въ области красоты и истины и каждый тоскуетъ, что этого достигнуть не можетъ.

Но посмотримъ на древнихъ, какъ они были довольны сами собою! Относительно философіи и поэзіи древніе достигли границы красоты, тогда какъ въ наше время, наоборотъ, мы постоянно слышимъ сожалѣнія, характеризующія ненасытное стремленіе души: „когда бы я успѣлъ“, „когда бы я сумѣлъ“, „когда бы возможно было достигнуть верха истины, красоты, совершенства, святости“.... Древніе воздвигали храмы для своихъ божковъ, ставили памятники богатырямъ, писали эпопеи и драмы по разъ установленному способу; все тамъ находилось на мѣстѣ, начертанномъ напередъ самымъ точнымъ образомъ съ указаніемъ всѣхъ мелочей. Мы же теперь не знаемъ никакого закона ни въ искусствѣ, ни въ поэзіи, исполненіе котораго мы признали бы вполне достигнутымъ совершенствомъ красоты. Они владѣли своимъ Пароенономъ, какъ послѣднимъ выраженіемъ совершенства въ архитектурѣ, у насъ же нѣтъ ни одного зданія, о которомъ бы могли мы сказать, что болѣе совершеннаго уже и нельзя устроить. Послѣдняго самаго совершеннаго созданія искусства на свѣтѣ мы еще не знаемъ. Да этого, по христіанскому понятію, и не можетъ быть для человѣка, пока онъ живетъ; никогда человѣкъ не можетъ сказать: эта вещь самая совершенная, и лучше устроить ее невозможно.

Часто мы съ удивленіемъ всматриваемся въ личности обоготворенныхъ богатырей Гомера, которые блуждаютъ по Елисейскимъ полямъ, — богатырей, покрытыхъ коронами и трофеями своихъ побѣдъ, но они блѣдны, мрачны и грустны. Причину этой грусти угадать легко: они жалѣютъ, что оставили землю и тоскуютъ за ея свѣтомъ и жизнью. Тамъ они, дѣйствительно, великія тѣни, но только тѣни; но свѣтъ, красоту и жизнь они оставили на землѣ, куда возвратиться уже не могутъ. Послушаемъ, что, на примѣръ, говоритъ одинъ изъ богатырей Гомера, великій Ахиллъ. Онъ не стремится ни къ большому блеску, ни къ болѣе славѣ: но ему жаль только той мускульной силы, какою онъ нѣкогда владѣлъ, тоскуетъ онъ за чувственными наслажденіями, которыми онъ когда-то пользо-

вался. Тоже нужно сказать и о другихъ Гомеровыхъ богахъ. Они — тѣни, и, какъ тѣни, живутъ единственно воспоминаніемъ о земной жизни и увеселяютъ себя только надеждой, что можно будетъ когда нибудь возвратиться къ намъ, дабы здѣсь блуждать самостоятельно среди существъ живого міра.

Какъ въ этомъ отношеніи наши чувства и наше воображеніе не похожи на чувства и воображеніе древнихъ! Мы, дѣти христіанской идеи, въ новомъ кругозорѣ, какой глазамъ нашимъ открылъ І. Христосъ, мы живемъ на этой землѣ, окруженные всевозможными красотами природы и искусства. Все же, мы при этомъ алчемъ красоты идеальной, неземной, которой при жизни мы не въ состояніи достигнуть, но которую предчувствуемъ въ обителяхъ бессмертныхъ. Но даже и тамъ жажда бѣльшаго и бѣльшаго совершенства не утолится въ нашихъ душахъ, хотя и будетъ утоляемою, потому что она въ насъ будетъ снова возникать для того, чтобы она была всегда утоляема въ безконечности бѣльшаго и бѣльшаго процвѣтанія правды, свѣта и истины.

Таковъ духъ настоящаго христіанскаго свѣта! Нельзя не обратить вниманія на моментъ, съ котораго началась такая перемѣна въ умѣ и воображеніи человѣческаго рода. Очевидно, эта перемѣна — историческій моментъ конца древняго міра и начала міра новаго; очевидно, что здѣсь совершается дѣйствіе какой-то безмѣрной силы, которая потрясла до глубины человѣческія души и дала толчекъ направленію новому. Какая же это была минута? Кто показалъ человѣческому роду дорогу этого безграничнаго прогресса? Отвѣтить на это не трудно. Совершилъ это І. Христосъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что древніе закончили свою жизнь у подножія Креста Христова ни раньше, ни позже этого событія. Крестъ, поэтому, означаетъ конецъ упадка и начало эры возрожденія.

Когда, согласно съ откровеніемъ и свидѣтельствомъ Евангелистовъ, мы примемъ за несомнѣнное, что Іисусъ Христосъ — Богъ, все легко можно будетъ понять. Но если мы не вѣримъ въ божество І. Христа, если думаемъ, что на мѣсто стараго идолопоклонства Онъ ввелъ только новое, основанное на суевѣріи и обманѣ; если этотъ обманъ (или хотя бы только заблужденіе) успѣлъ возродить міръ и устроить рядъ послѣдствій неизмѣрнаго прогресса — тогда все становится непонятнымъ. Тогда всѣ наши понятія о святости, о добродѣтели, о причинахъ и слѣдствіяхъ, о правдѣ и истинѣ и даже о самомъ Богѣ, покрываются туманомъ и столь густыми тѣнями, что изъ-за нихъ ничего нельзя разобрать. Такое положеніе невѣрующихъ понялъ Наполеонъ, когда сказалъ: „Наконецъ, — и на этомъ я оканчиваю свои доказательства — не было бы Бога на небѣ, если бы человѣкъ могъ присвоить себѣ имя Бога, Его могущество и Его Божество“. А мы къ этимъ словамъ прибавимъ: если бы человѣкъ могъ, злоупотре-

бляя именемъ Божиимъ, возродить міръ, погружая его въ идолопоклонство.

XVIII.

Ко всему этому намъ приходится мало что присоединить для доказательства божественности І. Христа. Если І. Христосъ Богъ, то и всѣ событія, имѣющія отношеніе къ пребыванію Его на землѣ, становятся понятными, между всѣми ими находится связь. Его жизнь, ученіе, чудеса и чрезвычайные дары — все имѣетъ между собою связь, все имѣетъ очевидную цѣль. Понятно, что въ извѣстный моментъ, когда первоначальная религія человѣчества стала ослабѣвать, когда во всѣхъ глубокихъ умахъ явилось сомнѣніе и почти изъ всѣхъ устъ слышался вопросъ: „Кто намъ укажетъ правду“, когда тяжесть грѣховъ на столько измучила человѣчество, что оно перестало дорожить жизнью, тогда милосердый Богъ послалъ Сына Своего на землю на помощь страждущему человѣчеству. Сошелъ Онъ съ неба полный мудрости и правды, свободный отъ заблужденія и грѣха, чистый и святой, — нося въ Своемъ сердцѣ безконечную любовь къ Богу-Отцу и милосердіе Божіе къ человѣку. Сошелъ Онъ на землю во время, указанное пророками и въ мѣстѣ, составляющемъ средину свѣта, дабы указать людямъ путь къ добродѣтели и окончить Свою чистѣйшую жизнь величайшею жертвою. Сначала мы видимъ Его человѣкомъ, но при этомъ въ Немъ чрезъ идеальную красоту человѣчества сіяетъ божество. Всмотриваясь глубже въ Его личность, мы болѣе и болѣе чувствуемъ, что Онъ — Богъ. Божество совершенно проникаетъ Его существо; поэтому человѣческая природа, которую Онъ принялъ, сразу поднимается изъ упадка благодаря Его божественной мудрости и любви, благодаря Его божественной силѣ и Его чуждой грѣха жизни. Что можетъ быть прямѣе направлено къ цѣли? Что можетъ достойнѣе отвѣчать величію Божію? Что можетъ болѣе облагородить и осчастливить человѣка?

Если бы мы хоть на минуту могли допустить, что І. Христосъ — не Богъ, если бы мы могли подумать, что богатырь этой исторической, Евангельской драмы или самъ безсознательно обманывается или другихъ сознательно обманывалъ, то стоитъ тогда представить, что человѣка невѣрующаго, но въ тоже время разсудительнаго, спрашиваютъ: какія могутъ вытекать послѣдствія изъ такого сомнѣнія? Будетъ ли свѣтъ, благодаря выраженному сомнѣнію, понимать себя лучше? Нѣтъ; наоборотъ: на мѣсто одной тайны явится десять и даже тысяча, явится цѣлый хаосъ неизмѣримой темноты и безконечныхъ противорѣчій.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы І. Христосъ не былъ Богомъ, а только распятымъ іудеемъ, какъ можно было бы объяснить явленіе, что человѣческой родъ увѣровалъ въ Него при Его жизни и еще болѣе по смерти? Какимъ образомъ можно объяснить, что человѣчество

увѣровало въ такія чрезвычайности, что Онъ былъ Сыномъ Божиимъ и притомъ рожденнымъ отъ Дѣвы, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, что Онъ вознесся на небо въ присутствіи 500 Его учениковъ! Все это, вѣдь, чрезвычайность непостижимая! Подумайте, человѣкъ, рожденный при обычныхъ земныхъ условіяхъ, заявляетъ, что Онъ—Богъ и что въ Немъ присуще всемогущество Божіе! Да есть ли смыслъ въ этомъ! Никто изъ людей такой роли не въ состояніи разыграть, хотя бы она продолжалась только въ теченіе одного часа времени; его осмѣютъ еще до начала зрѣлица! Но однако во Христа увѣровали современники Его и люди жившіе послѣ смерти Его, увѣровали, что Онъ—Богъ. Даже враги Его, которые не спускали глазъ съ Него, не нашли въ Немъ никакой слабой стороны; не нашли ни одной минуты, когда бы обнаруживалась въ Немъ какая нибудь человѣческая нравственная слабость! Это не поддается нашему пониманію; но что особенно для насъ непостижимо, это то, что какъ современники Спасителя, такъ и люди, жившіе и живущіе послѣ Его смерти, увѣровали въ Него съ глубокимъ убѣжденіемъ непоколебимой вѣры, съ самоотверженіемъ, характеризующимъ богатство, примѣровъ которому міръ до Христа не видалъ. Эта вѣра не была вѣрою только нѣсколькихъ обманутыхъ лицъ, но многихъ миллионныхъ людей, вѣра самоотверженная, твердая. Сосчитайте, если только можно сосчитать, тѣ миллионы мучениковъ за всѣ 19 вѣковъ существованія христіанства въ разныхъ мѣстностяхъ земнаго шара, у разныхъ народовъ, на всѣхъ ступеняхъ просвѣщенія, которые съ радостію шли на смерть, дабы засвидѣтельствовать свою вѣру въ божество І. Христа. Сосчитайте тѣхъ пустынниковъ, уединенная жизнь которыхъ была образцемъ покаянія, тѣ миллионы христіанскихъ дѣвственницъ, которыя оставили ради Христа прелести семейнаго очага, дабы Христа еще лучше прославить въ чистотѣ сердечной; сосчитайте тѣхъ св. женъ, дѣвицъ и вдовъ, величайшія добродѣтели которыхъ дали свидѣтельство объ ихъ вѣрѣ во Христа; сосчитайте тѣхъ безчисленныхъ людей, которые перенесли тяжелыя страданія съ миромъ въ сердцѣ, потому что переносили ихъ во имя Христа! Сосчитайте, наконецъ, еще такихъ, которые, шествуя по твердому пути раскаянія, представили исправленіемъ своей грѣшной жизни доказательство своей вѣры въ божество І. Христа! Что уже совершенно не понятно, если Христосъ не былъ Богомъ, такъ это то, что не только люди увѣровали въ Него до самоотверженія и мученичества, но и каждый изъ нихъ нравственно возродился чрезъ эту вѣру, что эта вѣра ниспровергла языческія заблужденія, побѣдила религію чувственности, очистила нравственную атмосферу отъ гнили, какую издавалъ отъ себя міръ древній, что эта вѣра создала героевъ, создала высочайшія добродѣтели въ лицахъ, изъ которыхъ въ эту минуту нашей душѣ предстаютъ: Св.

Агнія, св. Фекла, св. Екатерина, св. Нонна, Блаженный Августинъ, свв. Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ и неисчислимый сонмъ св. Божіихъ; Христова вѣра создала какъ бы политическое цѣлое —христіанское государство —создала перковы; что наконецъ и въ нашу пору, послѣ 19 вѣковъ своего существованія, эта вѣра обуздываетъ страсти, сообщаетъ людямъ геройскія вдохновенія, осушаетъ слезы печали, исцѣляетъ болѣзни сердца и является утѣшительницею на смертномъ одрѣ— и все это совершаетъ она одна, силою, заключающеюся въ ней. Пораженный величавымъ видомъ вѣры во Христа одинъ ораторъ недавняго времени выкликнулъ: „О, если бы я даже не обладалъ вѣрою, а только искалъ правды, то и тогда я припалъ бы къ подножію Креста Христова и, наклоня колѣна, сказалъ бы во смиреніи: Господи и Спасителю! Если сознательное или бессознательное заблужденіе можетъ осушить столько слезъ и придать столько силы въ страданіяхъ внушеніемъ столь благороднаго самоотверженія и создать столь великія добродѣтели, то какимъ же инымъ блескомъ можетъ возсіять правда въ мирѣ?“ Но нужно ли здѣсь вести рѣчь о правдѣ? Гдѣ правда? Гдѣ нравственная правда? Гдѣ историческая правда?—предлагаемъ эти вопросы, имѣя въ виду человѣка невѣрующаго. Спросимъ: развѣ историческія свидѣтельства объ Александрѣ Македонскомъ, Сократѣ или Цезарѣ крѣпче утверждены? Развѣ эти свидѣтельства обоснованы на болѣе твердыхъ доводахъ? Напротивъ; они опираются на менѣе крѣпкихъ основахъ. Въ какой религіи царитъ правда! Если христіанство не есть правда, то еще меньше правды заключаютъ въ себѣ исламъ, буддизмъ и язычество вообще. А между тѣмъ правда въ религіи должна быть. Еслибы въ религіи не было правды, а только насмѣшка и фальшь, то природная алчка человѣческаго сердца, благородное стремленіе къ познанію Бога, содѣлалось бы только злоственной засадою на человѣка, его мученіемъ.

Скажутъ намъ наши противники: существуетъ и навсегда пребудетъ для человѣка религія естественная.

Но что такое естественная религія? Развѣ догматы, существующіе въ ней, болѣе ясны, чѣмъ догматы о божествѣ І. Христа?—Естественная религія учитъ хвалить и признавать Бога, такъ какъ этому научаетъ врожденное человѣческое чувство. Вотъ, это врожденное чувство и склонило человѣчскій родъ къ подножію Креста І. Христа. Въ теченіе уже 19 вѣковъ человѣчскій родъ почерпаетъ изъ Христовой силы неисчерпаемую помощь, которую раньше явленія въ мірѣ Христа человѣкъ нигдѣ не могъ обрѣсти.

Спросимъ еще невѣрующаго во Христа: гдѣ онъ хочетъ найти правду, истину? Въ философіи? Этикъ? Въ соціальной экономіи или наукѣ о правѣ?—Да, мы признаемъ право собственности и убѣждены, что человѣкъ, на основаніи дѣйствующаго закона, су-

ществующаго права, можетъ завѣщавать своимъ наследникамъ плоды своихъ трудовъ. Но мы утверждаемъ, что основа, на которой опирается общественный порядокъ, менѣе тверда, нежели христіанское ученіе о божествѣ І. Христа. Если бы ученіе о божествѣ І. Христа не было истиннымъ, то нужно было бы признать, что на землѣ нѣтъ ничего истиннаго, такъ какъ рука, которая бы ниспровергла Христа, ниспровергла бы и самого Бога—источника всякой истины и правды. И въ самомъ дѣлѣ, разсудимъ. Вотъ, Богъ съ высоты Своего трона взираетъ на бѣдное человѣческое существо, покровительствуемое силою Божіею уже въ теченіе 19 вѣковъ. Въ теченіе этого времени Богъ созерцаетъ человѣчскій родъ поддерживаемый Его Промысломъ, падающимъ у ногъ обманщика! При этомъ Богъ позволяетъ, чтобы это новое идолопоклонство, вмѣсто нравственной испорченности, распространяло полезныя познанія и возрождало общества жизненностію, благодѣяніями; позволяетъ, чтобы это высокое дѣло совершалось вопреки природѣ и вопреки логикѣ, царящей въ мірѣ! Богъ видитъ и знаетъ, что человѣкъ никоимъ образомъ не можетъ отличить лжи, поддерживаемой всемогуществомъ Божіимъ, отъ правды, тѣмъ болѣе, что фальшь, распространенная Христомъ, еслибы она была дѣйствительно фальшью, должна была бы сдѣлаться мертвою, какъ и каждое усохшее дерево, между тѣмъ христіанство постоянно производитъ благотворныя плоды, распространяетъ добродѣтели, посягаетъ роскошныя, благія сѣмена для будущаго. Невѣрующій долженъ признать, что Богъ все это видитъ, все это знаетъ и не подаетъ руки помощи человѣку—своему созданію. Неужели можно такъ разсуждать? Неужели не оскорбляется человѣческое чувство при одной мысли о такомъ образѣ сужденія?

Какое же послѣ этого сужденіе невѣрующаго о Богѣ! Невѣріе думаетъ, что Богъ вовсе не промышляетъ о мірѣ, что если Богъ и существуетъ, то участь человѣка для Него безразлична, что никогда Онъ не простираетъ къ человѣчеству руки помощи, другими словами: Богъ какъ бы не существуетъ для человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, какую густою тѣнью покрываетъ себя человѣчскій умъ, когда добровольно удаляетъ самъ себя отъ свѣта Божія! На какія страшныя натывается онъ преграды въ изысканіи правды, которая находится тутъ же, при немъ! Разбитый сомнѣніями и измученный, каждую минуту обманываемый въ надеждѣ, умъ человѣчскій блуждаетъ среди недоступныхъ тайнъ жизни и рѣшается, наконецъ, на печальную попытку закрыть глаза на все, лишьбы хоть на время отдохнуть. На такомъ твердомъ и шерсткомъ изголовьи, какое доставляетъ отчаянное сомнѣніе, отдыха найти нельзя. Душа безпокоится, алчетъ и жаждетъ пищи и питія для своего безсмертнаго существа и мучится. Тогда то ангель

тмы шепчетъ несчастному на ухо: „прекрати напрасныя исканія истины и правды, все на свѣтѣ обманъ и заблужденіе, старайся забыться и уснуть“. Но І. Христосъ развѣ оставитъ до конца тѣхъ благородныхъ еще не путающихся въ оковахъ гордыни своего ума, искателей правды! Если они ищутъ таковой съ доброю вѣрою, неужели Онъ не побѣдитъ ихъ силою Своей любви? О! Несомнѣнно, Онъ побѣдитъ ихъ! Если только они съ любовію пожелаютъ возрѣть на Его раны и на Его полное высочайшей любви окровавленное сердце для обращенія невѣрующихъ; они содѣлаются спасенными. Доказательства правды стали бы предъ ихъ ослабѣвшимъ взоромъ ясными, потому что очевидно, что наилучшимъ доводомъ истинности религіи, какую намъ открылъ І. Христосъ, есть самъ Іисусъ Христосъ. Его одного достаточно, чтобы исцѣлить всѣ больныя умы и всѣ наболѣвшія сердца! Достаточно возрѣть на Него съ тою сердечною благодарностію, какую заслуживаетъ Его высочайшая крестная жертва, дабы Онъ намъ сразу открылъ Себя во всемъ Своемъ божественномъ Существовѣ въ духѣ, истинѣ и правдѣ.

Прот. А. Ковальницкій.

О служебныхъ обязанностяхъ діаконовъ, состоящихъ на псаломщическихъ вакансіяхъ.

С.-Петербургскимъ епархіальнымъ начальствомъ преподаны слѣдующія руководственныя указанія о служебныхъ обязанностяхъ діаконовъ, состоящихъ на псаломщическихъ вакансіяхъ С.-Петербургской епархіи. „Состоящіе на псаломщическихъ вакансіяхъ діаконы, въ силу пункта 6-го, ст. 11-й, Высочайше утвержденнаго, въ 16 день апрѣля 1869 года, журнала бывшаго „Присутствія по дѣламъ православнаго духовенства“, прежде всего не должны уклоняться отъ исполненія ни одной изъ соединенныхъ съ званіемъ псаломщика обязанностей, какъ по церкви, такъ и по приходу,—но, затѣмъ, они обязаны, по возможности, отправлять и служеніе собственно діаконовское. Такъ они обязаны служить по діаконовски во всѣ воскресныя и праздничныя дни, также во всѣ дни страстной седмицы и особенно литургіи преждеосвященныхъ даровъ, по средамъ и пятницамъ четьредесятницы, а гдѣ оказывается возможнымъ—служить по діаконовски и въ прочіе дни, особенно въ церквахъ городскихъ. Что же касается замѣны состоящихъ на псаломщическихъ вакансіяхъ діаконовъ въ клиросномъ чтеніи и пѣніи въ то время, когда они должны отправлять служеніе діаконовское, то, по точному смыслу помѣнутаго выше 6 пункта, 11 статьи, Высочайше утвержденнаго журнала—*Присутствія по дѣламъ православнаго духовенства*, въ тѣхъ церквахъ, при которыхъ имѣются еще простыя псаломщики или воль-

нонаемные церковники, эта замѣна должна лежать на прямой обязанности сихъ псаломщиковъ и церковниковъ, тамъ же, гдѣ нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ, псаломщики—діаконы сами обязаны заботиться о надлежащей замѣнѣ себя на клиросахъ кѣмъ-либо изъ знающихъ и усердствующихъ прихожанъ или изъ пѣвчихъ. Участвуя въ діаконскомъ совершении литургии въ дни воскресные и праздничные, они, подобно штатнымъ діаконамъ, обязаны приступать къ оному каждый разъ съ приготовленіемъ ко святому Причащенію (13 ст. инструкц. благоч.). Что же касается практикуемаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ служенія такихъ діаконствъ въ стороннихъ церквахъ, по найму, то означенное служеніе можетъ быть допускаемо не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія настоятеля и съ общаго согласія всѣхъ членовъ ихъ причтовъ и, притомъ, только тогда, когда отъ сего не можетъ происходить рѣшительно никакихъ неудобствъ и затрудненій" (Церк. Вѣдом. 1901 г. № 16).

Подобныя этому распоряженія объ обязанностяхъ діаконствъ, состоящихъ на псаломщическихъ вакансіяхъ, были даваемы и ранѣе, напр. Костромской духовной консисторіей (Рук. для сел. паст. 1889 г., № 4). „Церковнымъ Вѣстникомъ" было разъяснено, что діаконъ на вакансіи псаломщика, какъ діаконъ обязанъ служить литургію при всякой возможности для себя, не думая, что онъ этимъ помогаетъ кому либо (1892 г. № 43). Само собою разумѣется, что псаломщикъ—діаконъ при богослуженіи, если онъ въ облаченіи, обязательно долженъ носить и орарь (Церк. Вѣстн. 1894 г. № 39).

Паломничество крестьянъ Сѣдлецкой губ. въ Кіевъ.

Крестьянамъ четырехъ деревень Межилскаго православнаго прихода, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, разрѣшенъ былъ бесплатный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ отъ станціи „Хотыловъ“, Привислинскихъ дорогъ, до станціи „Кіевъ“, юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, съ цѣлью паломничества, каковое они и совершили 28 іюня сего года, въ составѣ 88 человекъ. По возвращеніи изъ Кіева, уполномоченный общества деревень: Межилсь, Матяшовка, Розбитовка и Кривовулька, Кондратъ Луцюкъ, въ прошеніи на имя Сѣдлецкаго губернатора, принося отъ лица участниковъ паломничества благодарность властямъ, доставившимъ имъ путемъ бесплатнаго проѣзда возможность поклониться кіевскимъ святынямъ, описываетъ то радостное чувство, которое охватило сердце каждого богомольца при видѣ множества церквей, монастырей и пещеръ, гдѣ почиваютъ нетлѣнные мощи угодниковъ Божіихъ; присутствіе на торжественномъ богослуженіи съ его стройнымъ пѣніемъ,

которое паломникамъ довелось слышать впервые, вселило въ нихъ сознаніе въ превосходствѣ православной религіи предъ другими религіями и окончательно убѣдило ихъ, что унія — заблужденіе. Разказы возвратившихся паломниковъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими; возбудили сильное желаніе среди крестьянъ, неучаствовавшихъ въ первой поѣздкѣ, съѣздить на богомолье въ Кіевъ къ 8 сентября сего года; желающихъ оказалось 112 человекъ, и для нихъ, по распоряженію Сѣдлецкаго губернатора, выдано, на основаніи льготнаго тарифа, опубликованнаго 7 марта с. г., соответственное свидѣтельство.

Историко-статистическое описаніе Грубешовскихъ и Бородинскаго православныхъ приходствъ.

(Продолженіе) *).

4. Церковь Св. Николая.

Самый древній изъ всѣхъ грубешовскихъ храмовъ — храмъ Св. Николая. Время первоначальнаго его построенія неизвѣстно, но безъ сомнѣнія оно совпадаетъ со временемъ водворенія христіанства въ данной мѣстности. Первые дошедшія до насъ документальныя данныя объ этомъ храмѣ встрѣчаемъ въ Ипатьевскомъ спискѣ Несторовой лѣтописи подъ 1255 г., затѣмъ, по словамъ выше указаннаго Географическаго словаря (стр. 180), Владиславъ Ягайло тоже построилъ церковь Св. Николая, очевидно, вмѣсто пришедшей въ ветхость прежней, и въ грамотѣ 1400 г. въ пользу этой церкви далъ два лана земли и сверхъ того предписалъ жителямъ Грубешова уплачивать настоятелю ея (какъ это они дѣлали и до того времени) подать или контрибуцію съ каждаго лана. Что два лана земли въ упомянутой грамотѣ отводятся именно русской церкви, можно видѣть изъ грамоты 1449 г., данной Казимиромъ Ягеллончикомъ въ Трокахъ, которой учреждается фундушъ грубешовскаго костела, до того времени очень бѣднаго. По этой грамотѣ отводятся въ пользу костела фундуши болѣе обильныя, чѣмъ выше упомянутый фундушъ русской церкви, а именно: два лана земли, два огорода, десятина доходовъ съ мельницъ и соли и плацъ между дворомъ и крестомъ, стоящимъ при дорогѣ въ Слаутинь. Естественно предположить, что если бы фундушъ костела данъ былъ въ 1400 г., то его не пришлось бы давать въ 1449 г.

Каковъ былъ Св.-Николаевскій храмъ и какова была его судьба въ послѣдующія три столѣтія, объ этомъ не находимъ никакихъ данныхъ. Можно безошибочно предположить, что онъ былъ деревянный и въ то бурное время подвергся частымъ опустошеніямъ вплоть до окончанія татарскихъ набѣговъ (1672 г.). Въ концѣ XVII вѣка Николаевская церковь была, вѣроятно, вновь выстроена, такъ какъ въ визитѣ 1721 г. говорится, что стѣны этой церкви, алтаря и притвора—крѣпки и что при ней послѣ пожара вновь выстроена колокольня, на которой и колокола новые: три большихъ и одинъ малый. — Изъ церковныхъ принадлежностей этого храма въ визитѣ 1721 г. указаны слѣдующія: дарохранилища деревянная и то плохая; антиминсовъ три, —одинъ освещенъ епископомъ Левицкимъ, а два — Гедеономъ В.-Оранскимъ) корпораловъ—3; чаша, лжица и дискосъ—серебряные позолоченные; серебряный крестъ на постаментѣ, на которомъ серебряныя изваянія четырехъ евангелистовъ, а на другой сторонѣ — пять серебряныхъ-золоченыхъ розетокъ съ вставленными въ нихъ камнями: два красныхъ и три зеленыхъ. Риза на иконѣ Богоматери серебряная во всю икону, подъ ногами Пресвятой Дѣвы — серебряный ка-

*) См. №№ 32, 33, 34 и 35.

мень (подножіе). На этой иконѣ находилось много вотовъ въ видѣ серебряныхъ коронъ, крестиковъ, сердецъ и т. п. Кадильница серебряная съ четырьмя дѣпочками, крышкой и кольцомъ. Подсвѣчники мѣдныхъ двѣ пары. Облеченій разныхъ матерій и цвѣтовъ—6; антепедіевъ—3, занавѣсокъ—4; покрывалъ и разнаго бѣлья церковнаго шт. 10.—Максимиліанъ Рылло при ревизіи этой церкви въ 1760 а затѣмъ и въ 1771 г. нашелъ ее вполне хорошей, такъ какъ она была вновь выстроена¹⁾. Окно въ ней было — 10, причѣмъ пять оконныхъ рамъ было оловянныхъ, а 5—деревянныхъ,— всѣ съ желѣзными рѣшетками. Дверей было двое на желѣзныхъ петляхъ съ внутренними желѣзными замками. Колоколовъ на колокольнѣ—5. Въ визитѣ 1760 г. сверхъ выше приведенныхъ церковныхъ вещей указаны: дарохранительница серебряная съ крышкой, внутри вызолоченная. На иконѣ Богоматери одна риза серебряная позолоченная, а другая подъ ней—серебряная бѣлая. Число вотовъ противъ 1721 г. значительно больше. Сверхъ того указана еще икона Іисуса Христа въ серебряной ризѣ и икона Св. Николая тоже въ ризѣ серебряной позолоченной съ различными водами. Слѣдуетъ замѣтить, что въ визитѣ этой Максимиліанъ Рылло предписываетъ настоятелю приобрести купель для крещенія дѣтей (chrześniace na wodę święconą dla chrzczenia dzieci rodzinien sprządzić). Значитъ въ то время еще крещеніе совершалось черезъ погруженіе.

Въ визитѣ 1771 г. указаны какъ вновь приобретенными монстрація серебряная позолоченная, иконы — Іисуса Христа въ серебряной ризѣ, мирница цинковая съ тремя отдѣленіями, 2 пары мѣдныхъ подсвѣчниковъ, шесть новыхъ священническихъ облачений и седьмое „золотое“, приобретенное ландойтомъ грубешовскимъ. Въ визитѣ 1774 г. между прочимъ говорится, что при церкви этой строится новая каменная колокольня, хотя и старая деревянная оказывается еще вполне хорошей. Около того же времени колокола успенской церкви, уничтоженной пожаромъ, были взяты въ церковь Николаевскую.—Въ выше указанномъ видѣ церковь эта оставалась до начала XIX столѣтія. Въ 1795 г. прихожане грубешовскіе, движимые глубокимъ религіознымъ чувствомъ, захотѣли построить у себя каменную церковь и немедленно же приступили къ осуществленію этого желанія.—Если мы примемъ во вниманіе массивность построеннаго каменнаго зданія храма и то, что это зданіе грубешовскимъ прихожанамъ пришлось строить исключительно на свои средства безъ какой бы то ни было поддержки — со стороны, то намъ не покажется удивительной та пятнадцатилѣтняя продолжительность времени, которая потребовалась для приведенія къ концу начатой постройки, и при взглядѣ на эту постройку мы невольно должны отдать заслуженную дань удивленія и уваженія силѣ и глубинѣ религіознаго чувства, которое воодушевляло строителей и помогло имъ довести начатое дѣло до конца. Какъ передаютъ, всѣ прихожане на время строенія этого храма сплотились въ одну семью и приняли дружное участіе въ дѣлѣ и деньгами, и руками, кто чѣмъ могъ: кирпичники раздѣлывали глину и выжигали кирпичи, каменщики клали и штукатурили стѣны, плотники и столяры исполняли деревянную подѣлку, красильщики и живописцы въ свое время принялись за покраску и росписаніе стѣнъ и потолковъ и т. д., каждый охотно старался принять участіе въ благочестивомъ дѣлѣ по своей специальности, кто безмездно, а кто и за малое вознагражденіе. Этой сплоченностью предковъ—строителей св. храма и теперь еще справедливо гордятся ихъ потомки и съ достоинствомъ указываютъ на то, что вся эта массивная постройка, отъ перваго до послѣдняго камня создана руками и средства-

¹⁾ Послѣ уничтоженія ея пожаромъ 27 апр. 1736 г. Въ присяжномъ показаніи членовъ Грубешовскаго магистрата объ этомъ пожарѣ сказано, что сгорѣло двѣ церкви: каменная и деревянная; каменная—это успенская, которая уже и не была возобновляема; другая же деревянная была, вѣроятно всею, Николаевская.

ми прихожанъ. Въ 1810 г. храмъ былъ законченъ постройкой, и хотя, за недостаткомъ средствъ, внутреннее его устройство не было приведено въ надлежащій видъ, однако старый храмъ былъ закрытъ, и богослуженіе начало совершаться въ новомъ. Но и старый храмъ не могъ быть снесенъ, такъ какъ со вступленіемъ Наполеона въ Польшу въ немъ по распоряженію властей былъ устроенъ цейхгаузъ для склада провіанта и фуража, и только въ 1815 году по усмиреніи края удалось прихожанамъ добиться разрѣшенія на уничтоженіе цейхгауза и сносъ старой церкви. А именно: прихожане во главѣ съ настоятелемъ своимъ Мальчинскимъ подали прошеніе префекту Люблинскаго департамента о разрѣшеніи продать на сносъ старую церковь (и тѣмъ самымъ, конечно, уничтожить цейхгаузъ), мотивируя свою просьбу тѣмъ, 1) что, за отсутствіемъ всякихъ другихъ средствъ, только деньги, вырученные отъ продажи старой церкви дадутъ имъ возможность привести въ надлежащій видъ внутреннее устройство новосозданнаго храма, 2) что крестные ходы не могутъ совершаться по причинѣ несовершенія стараго храма съ новымъ и 3) что, наконецъ, солома, доставляемая въ цейхгаузъ, складывается въ скирды на церковномъ погостѣ и при томъ въ такомъ количествѣ, что весь погостъ бываетъ заваленъ ею. Къ этому прошенію бургомистръ Грубешова присоединилъ свое обѣщаніе отвѣсти другое помѣщеніе подъ цейхгаузъ, если только будетъ разрѣшена продажа старой церкви.

Ст. Чижевскій.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышла Іюль — Августовская книжка „Богословскаго Вѣстника.“

Содержаніе: Святаго отца нашего Кирилла Архіепископа Александрійскаго толкованіе на Евангеліе отъ Іоанна. — Святаго отца нашего Никифора Исповѣдника слово въ защиту православной вѣры и святыхъ иконъ. — Церковный судъ. А. С. Павлова.—Браманизмъ. А. И. Введенскаго.—Религіозно-романтическая поэма Торквато Тассо: „Освобожденный Іерусалимъ“. І. А. Татарскаго.—Сверхчеловѣкъ (Ubersensich) Ницше и человѣкъ Христа. С. Левитскаго.—О призваніи къ пастырскому служенію. Сергія, Митрополита Московскаго. —Въ странѣ священныхъ воспоминаній. (Описаніе путешествія въ Св. Землю).—Западные славяне къ началу XX-го вѣка: словаки, словинцы и славонцы. (Письмо въ Редакцію). А. Вознесенскаго.—Обзоръ журналовъ. Статьи по древней и общей церковной исторіи. А. А. Спасскаго.—Библиографія. Противораскольническая беллетристика. Ер. Мишинскаго.—Автографическія записки высокопревосвѣщеннаго Саввы, Архіепископа Тверскаго.—Протоколы засѣданій Совѣта Московской Духовной Академіи за 1900 годъ. — Объявленія.—Оглавленія содержанія втораго тома Богословскаго Вѣстника за 1901 годъ.

Подписная цѣна на Богосл. Вѣстн. съ приложеніемъ 5, 6 и 7 томовъ твореній Св. Василия Великаго восемь руб. съ перес.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадь, Моск. губ., въ редакцію Богословскаго Вѣстника.

Редакторъ профессоръ А. Спасскій

Содержаніе: Отдѣлъ I. Епархіальныя распоряженія и извѣстія. — Распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ по почтовой части. — Вѣдомость о движеніи денежныхъ суммъ Ломаскаго Петро-Павловскаго братства. — Отъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Отдѣлъ II. Іисусъ Христосъ — Богъ—(окончаніе).—О служебныхъ обязанностяхъ диаконовъ, состоящихъ на псаломщическихъ вакансіяхъ. — Паломничество крестьянъ Сѣдлецкой губ. въ Кіевъ. — Историко-статистическое описаніе Грубешовскихъ и Бородинскихъ православныхъ приходо-въ (продолженіе). — Объявленіе.

Редакторъ, Протоіерей А. Ковальницкій.

Печатать дозволяется.—Варшава, 31 Августа 1901 года.—Цензоръ, Каедральный Протоіерей К. Чеховичъ. Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, Краковское-Предмѣстье, № 3.